

На самом деле листок, который Чэнь Шаньвань носил с собой, не имел в себе ничего особенного. Просто, оказавшись рядом с ним, листья роз впитывали его дыхание, его невидимый след.

Юй Суй нагнулся, поднял лепесток и, не в силах сдержаться, прижал его к лицу, глубоко вдохнув.

Запах Чэнь Шаньваня мгновенно окутал «его».

Из его груди сам собой вырвался короткий, сдержанно-блаженный вздох.

Это не была наигранность — его буквально до костного мозга наполняло невыразимое удовольствие от этого крошечного, пропитанного ароматом Чэнь Шаньваня лепестка.

Для «него» Чэнь Шаньвань был и ядом, и спасением.

Он мог утянуть его на глубину, где разум тонет и нет пути назад, — и всё равно он не хотел возвращаться.

И в то же время — лишь одно присутствие Чэнь Шаньваня могло унять всю ту ярость, ту чёрную ненависть к миру, что бурлила внутри «него».

Если бы только Чэнь Шаньвань захотел остаться рядом...

«Он» мог бы забыть всё зло, что люди когда-то ему причинили.

Он даже был бы готов стать «богом».

Но...

Пальцы Юй Суя, державшие лепесток, незаметно сжались, и в его тёмных, прежде затуманенных глазах вспыхнула холодная искра.

Взгляд стал острым, как нож, воздух вокруг тяжело осел, и терновые плети, что вились по стенам, извиваясь, будто в страхе, — а затем резко выпрямились, выставив наружу блестящие шипы.

Бледное лицо Юй Суя и тёмные, глубокие глаза в сочетании с мрачными шипами выглядели жестокими и холодными.

На листе остался лёгкий, едва уловимый, но омерзительный запах — тот, от которого «его» передёрнуло.

Он сразу вспомнил тех мерзких людей, похожих на крыс из сточных канав.

Они осквернили этот лепесток.

Они прикасались к Чэнь Шаньваню.

...Он убьёт их.

Холодно подумал Юй Суй.

Да, он должен был бы переломать им кости — все до единой.

- ...Посмотрим. - хрипло прошептал Юй Суй, вертя в пальцах тёмный лепесток розы. - Посмотрим, какая паршивая крыса посмела запятнать взгляд моего А-Ваня...

*

Весь день Чэнь Шаньвань не мог отделаться от ощущения, что что-то забыл.

Что-то важное.

Но сколько бы он ни ломал голову — не мог вспомнить, что именно.

После обеда курьер доставил продукты — коробки со свежими овощами оставили во дворе, и Чэнь Шаньвань пошёл их заносить.

Коробка была громоздкой и тяжёлой. Прищурившись, он заметил, что терновник у дорожки будто расползся — колючие побеги стали гуще, и пройти теперь было куда сложнее. Осторожно обойдя колючие стебли, он не мог не удивиться.

Почему они так быстро растут?

Разве Юй Синь не говорила, что сюда приходит кто-то ухаживать за садом?.. Почему никто не подрезает их?

Погрузившись в мысли, он остутился, и шип всё же царапнул его щиколотку.

Он тихо шикнул от боли, наклонился проверить, но крови не было, лишь тонкая красноватая полоска. Он не придавал этому значения.

Пройдя через заросли роз, он не заметил, как та самая ветка, что оцарапала его, впитала в себя каплю крови. Шипы дрогнули, словно ожили — и, извиваясь, будто змеи, втянулись обратно в куст, где тут же были обвиты другими терновыми плетями.

Эти тернии, будто в исступлении, сомкнулись, и раздавили впитавший кровь побег в пыль. Ни капли не пролилось на землю — всё впиталось обратно в густую, живую массу. Шипы дрожали, скреблись друг о друга, словно стараясь унять зуд... но вместо этого лишь разжигали новое, изнуряющее жажду чувство.

Чэнь Шаньвань ничего этого не замечал.

Его восприятие стало странно притупленным, как будто кто-то приглушил все чувства.

Положив продукты в холодильник, он поднялся наверх с телефоном и заметил, что чат приюта снова оживился.

Оказалось, в приют поступила новая девочка — по имени «Лэ-Лэ».

Вся ее семья погибла. Прямо на её глазах умерли родители и младший брат.

После этого она перестала говорить и словно впала в детское, беззащитное оцепенение.

Семья Лэ-Лэ была небедной, у них был свой бизнес. Сначала родственники хотели её забрать, но, узнав, что их фирма обанкротилась, а единственный дом выставлен на аукцион, решили не связываться с «обузой».

В итоге, чтобы девочке не пришлось влачить унижительное существование у чужих людей, её отдали в приют.

В приюте уже было много таких детей. Там даже работал психолог, а раз в неделю приезжал психиатр из государственной больницы и бесплатно проводил консультации.

В данный момент в чате обсуждали, как лучше заботиться о новой воспитаннице.

Чэнь Шаньвань, читая эти сообщения, вдруг ощутил, будто в голове прояснилось.

Он держал телефон и с удивлением понял, что эта вилла, эта жизнь рядом с Юй Суем перестали казаться ему чем-то дорогим.

Когда он закончит эту работу, он обязательно вернётся в приют помогать.

Можно будет купить детям торт и игрушки — им это точно понравится.

И директору-маме — новые кроссовки.

Он улыбнулся.

И почти в тот же миг Юй Суй почувствовал, как сердце Чэнь Шаньваня бьётся не ради него. Он сжал грудь, его взгляд потемнел.

А-Вань всегда такой.

Но что бы он ни делал — всё это лишь временно.

Никакие цепи не удержат его.

Можно заточить его на время, но не навсегда.

А, значит, пора ускориться.

*

На следующий день.

Когда Чэнь Шаньвань проснулся, его день ничем не отличался от предыдущего.

Он, как обычно, составил компанию Юй Сую за тремя приёмами пищи — всё под тот же странный, стойкий аромат благовоний, который никак не выветривался из дома.

Хотя мысли его всё ещё возвращались к приюту, он всё же разговорился с Юй Суем.

Они заговорили о приюте.

Чэнь Шаньвань никогда не считал, что быть выходцем из приюта — повод для стыда. Он с лёгкой улыбкой рассказывал Юй Сую о директоре-маме.

Он никогда не забудет, как она всегда относилась к нему с добротой.

Юй Суй, слушавший из-за двери, будто утонул в этих рассказах. Лишь спустя долгое время после того, как Чэнь Шаньвань замолчал, он тихо сказал:

- ...Как хорошо.

Интонация показалась Чэнь Шаньваню немного странной. Голос по-прежнему был мягким и тихим, но под этой мягкостью скрывалось нечто бурное, почти болезненное.

- Она и правда к тебе очень добра. - произнёс Юй Суй.

- ...Да. - Чэнь Шаньвань чуть нахмурился и заставил себя не думать лишнего. - Она со всеми детьми так.

- Понятно. - спокойно ответил Юй Суй.

«Он» беззвучно усмехнулся, его губы дрогнули в ироничной улыбке:

- Значит, у нее и правда доброе сердце.

Чэнь Шаньвань не уловил в его тоне насмешки. Внезапно ему вспомнился тот мальчик, который снился ему недавно — и почему-то стало тревожно тепло на душе.

- Знаете, - сказал он, - в детстве у меня в приюте был один брат, с которым мы, кажется, много играли. Но, может, я был тогда слишком мал и сейчас почти ничего не помню.

Юй Суй замер. Его взгляд, прежде холодный и рассеянный, мгновенно смягчился.

«Он» поднял руку, будто хотел коснуться Чэнь Шаньваня, но не смог. И всё же на этот раз на его лице не было ни раздражения, ни холодной тоски — лишь тихая, искренняя улыбка.

- Правда? - мягко спросил он. - А что ты ещё о нём помнишь?

Обычно Чэнь Шаньвань не любил вот так откровенно разговаривать с людьми. Он не из тех, кто охотно делится прошлым, тем более личным.

Но рядом с Юй Суем он почему-то не чувствовал отторжения. Его вопросы не казались бестактными. Казалось, будто он и должен говорить с ним об этом.

Чэнь Шаньвань опёрся на дверной косяк, задрал голову и попытался вспомнить:

- Воспоминания какие-то обрывистые. Если спросить, чем именно он запал мне в душу, я, пожалуй, и не смогу сказать. Но... память подсказывает, что он был добр ко мне. Очень добр.

Когда он произнёс это, сердце болезненно сжалось — и вместе с этим нахлынула тихая, беспричинная печаль.

Он растерянно посмотрел в темноту перед собой, не понимая, откуда взялось это чувство.

Оно не было острым, но, словно вода, медленно поднималось всё выше, подступая к горлу, грозя утопить и утащить в бездну.

Чэнь Шаньвань никогда не любил темноту. И не мог объяснить — почему. Он инстинктивно сжался, обхватил колени руками, и уткнулся подбородком в колени, словно пытаясь найти хоть каплю тепла и безопасности.

Может, всё из-за того, что он больше никогда не видел того мальчика?

Того, кто был его первым другом?

Он не мог понять.

С другой стороны двери Юй Суй снова заговорил:

- Не грусти.

Его голос оставался тихим, но Чэнь Шаньвань почувствовал, будто его коснулась лёгкая весенняя прохлада — мягкая, утешающая.

- Вы ещё встретитесь.

Юй Суй прижал пальцы к груди. Он радовался, что Чэнь Шаньвань всё ещё помнит «его»; ему нравилось, что в душе А-Ваня рождаются такие сильные чувства из-за «него».

И в то же время его злила сама эта печаль, эта потеря.

Он так хотел прямо сейчас прорваться сквозь преграды, оказаться рядом и обнять его.

Ресницы Чэнь Шаньваня дрогнули.

Он чуть улыбнулся, признавая, что слова Юй Суя действительно немного утешили его, даже если и звучали банально.

- Если судьба позволит. - мягко ответил он.

- ...Да. - тихо произнёс Юй Суй.

Но про себя подумал:

А если судьба не позволит — что с того?

Судьбу ведь можно создать самому.

И разве «он» не делает это прямо сейчас?

*

Перед сном Чэнь Шаньвань по привычке пролистал ленту новостей в телефоне.

Он был не из тех, кто ведёт активную жизнь в сети — у него почти не было друзей, и сообщений ему обычно никто не писал. Ленту он листал просто чтобы отвлечься.

Но сегодня ему на глаза попала новость, из-за которой невозможно было расслабиться.

Заголовок был довольно длинным, в целом смысл был примерно в том, что мужчина по фамилии Ши попал в аварию на горной дороге, сорвался со скалы, и когда его нашли, все кости в его теле были раздроблены, включая череп, осталась лишь бесформенная масса.

Одно лишь воображение этой картины заставило Чэнь Шаньваня похолодеть.

Он быстро закрыл новость. Потом вдруг вспомнив кое-что, он открыл мессенджер, и написал директору-маме:

[Вы помните того брата, который был в приюте, когда мне было года четыре-пять?]

Поскольку детей в приют тогда часто привозили, он уточнил:

[Того, что потерялся и оказался у наших ворот. Он был очень красивый, а его глаза были завязаны, и, как и сестра Кэ-Кэ, он не говорил.]

Чэнь Шаньвань не ожидал быстрого ответа. В это время директор, как правило, укладывала малышей спать и проверяла список воспитанников, так что обычно ей было не до телефона.

Но ответ пришёл почти сразу.

[Директор-мама: Конечно помню. Вы тогда были просто неразлучны, даже говорили, что, когда вырастете — поженитесь.]

А где-то наверху, в доме, кто-то тихо усмехнулся.

Авторское послесловие:

Юй Суй, ах ты...

(Указывает пальцем)

Сегодня я с утра натворила глупостей — решила полистать мангу на телефоне и забыла поставить его на зарядку.

И вот, как раз, когда началась самая драма — бац, телефон выключился! 1551

* 1551 — интернет-сленг, обозначающий плач или отчаяние (по звучанию похоже на «я плачу»).

<http://bllate.org/book/12897/1133586>